

ГОРОЖАНЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СНАБЖЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

А.О. Тюрин
(Россия, Астрахань)

В статье на основе архивного материала описывается система снабжения населения продовольствием и товарами первой необходимости в советском городе в первой половине 1930-х гг. В статье анализируются формы политического поведения городского населения в условиях кризиса снабжения продовольствием. Так же рассматриваются оценки причин голода, характеристики государственной власти, официальной прессы, отношение к ответственным работникам и коммунистам горожан в повседневной жизни в 1930–1934 гг.

The article describes the system of public supply with foods and goods of prime necessity in a Soviet town in the first half of 30-ies of the XXth century on the archive data base. The forms of the citizens' political behavior under the conditions of provisioning crisis are analyzed there. It also studies the estimation of famine causes, the public authorities' and official press characteristics, people's attitude towards officials and communists in everyday life in the years of 1930–1934.

Ключевые слова: повседневность, горожане, снабжение населения, власть, голод, Нижне-волжский регион.

Key words: everyday life, citizens, public supply, the authorities, famine, the Lower Volga region.

С началом форсированной индустриализации и сплошной коллективизации материальный уровень населения в Советском Союзе начал резко падать. С конца 1920-х гг. государственная власть ввела дифференцированную систему снабжения горожан продовольствием и товарами первой необходимости – всесоюзную карточную систему. Введение карточной системы декларировалось властью как мера по улучшению и упорядочению снабжения населения продовольствием. Сельские жители не попадали под централизованное снабжение.

Падение урожайности сельского хозяйства, продажа продовольствия (в первую очередь зерна) за границу для нужд индустриализации, периодические кампании по стратификации социальных групп горожан и норм выдачи продуктов питания, обусловили ухудшение ситуации в области снабжения продовольствием. Фактически в Советском Союзе в первой половине 1930-х гг. разразился голод.

Многие исследователи в своих работах рассматривали и анализировали разразившийся голод 1931–1934 гг., его причины и последствия. Все больше архивного материала, посвященного этой трагедии, ученые вводят в научный оборот.

При этом особое место в исследованиях уделяется рассмотрению сложившейся кризисной ситуации в сельской местности, где последствия голода, как считают многие ученые, были слишком катастрофичны – высокая смертность населения. Попытки селян изменить создавшееся положение часто заканчивались бегством в город, были зафиксированы многочисленные случаи воровства и грабежа продовольствия и имущества. Некоторые авторы отмечают и крайне негативные формы поведения доведенных до отчаяния людей, выражавшиеся в каннибализме [8].

Нашей основной исследовательской задачей будет являться анализ форм политического поведения городского населения, в основном пролетариата, в условиях кризиса снабжения продовольствием. Параллельно будут рассмотрены оценки причин голода, характеристики государственной власти, официальной прессы, отношение к ответственным работникам и коммунистам городского населения в повседневной жизни в 1930–1934 гг.

В этой связи интересна точка зрения Н.Л. Пушкаревой, которая считает, что «индивид в исследованиях должен быть воспроизведен действующим на жизненной сцене в заданных обстоятельствах (природных, временных, политических и т.д.), показан определяющим ситуацию...» [10].

Поэтому первоначально несколько реконструируем социально-экономическую обстановку 1930–1934 гг., то есть заданные обстоятельства, опираясь на воспоминания очевидцев событий. Например, в автобиографической повести «Не расти у доро-

ги» астраханский писатель Ю.В. Селенский, вспоминая рассматриваемый период в беседе с профессором В.П. Друзиным, приводит следующий диалог:

– <...> 1933-й год был очень тяжелый год. Не забуду до сих пор, как укладывали на автомашины трупы замерзших, голодающих людей, – сказал профессор.

– Не на автомашины грузили мертвецов, а на подводы-станки. Машин, Валерий Павлович, в то время почти не было. Вот замерзших подбирали, покрывали рогожей и увозили. Нам, мальчишкам, дворники поручали разыскивать по подвалам, амбарам и чердакам отмаявшихся и сообщать какой-то «команде».

Не грохотали колеса телег, никто не возил зерно, муку и просо. У хлебных лавок днем и ночью черными хвостами стояли непрекращающиеся очереди. Словно издеваясь сами над собой, закутанные по глаза бабы затевали бесконечные проверки. Чтобы получить паек, надо было днем и ночью пересчитываться по несколько раз. Случалось, что пайковой нормы на всех не хватало, и тогда очередь темной рычащей толпой устремлялась в соседнюю лавку, где была своя очередь, и здесь дело доходило до драк» [11, с. 146, 147].

Аналогичные воспоминания оставила в своих мемуарах жительница Астрахани В.Э. Сустрина: «В 1933 я поступила в Саратовский сельскохозяйственный институт, нехватка хлеба и голодовка была и там, но в Астрахани было тяжелее, здесь не растет хлеб. Чтобы получить хлеб по карточкам, занимали очередь с вечера и стояли всю ночь. Вечером ходила занимать очередь мама, а ночью стоял папа. Папа у нас был высокий, здоровый мужчина, но он быстро слабел от голода. Однажды мама решила поджарить на керосине оладьи из ячменного горького кофе, но, не дожарив, сама упала в обморок от голода» [1, л. 45].

Подтверждением катастрофического положения в области снабжения населения продуктами питания стала демографическая ситуация в Астрахани, сложившаяся в первой половине 1930-х гг.

Таблица 1

**Динамика естественного движения городского населения
в Астраханском регионе, чел. [9, с. 55]**

Годы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1928	8 056	5 450	2 606
1932	нет данных	6 445	нет данных
1933	3 476	11 491	– 8 015
1934	4 019	нет данных	нет данных
1935	5 707	4 849	858

В 1920–1930-е гг. горожане были достаточно сильно связаны с деревней, где у многих остались родственники, поэтому многие городские жители пристально следили за «сталинскими преобразованиями» – коллективизацией и раскулачиванием.

Разные изменения, которые происходили в государственной политике по отношению к жизни села, являлись предметом острой дискуссии. Например, отчеты, анализовавшие общие собрания трудящихся городских предприятий, посвященные выходу статьи И. Сталина «Головокружение от успехов», отмечали активные выступления рабочих и служащих. Так, в отчете Селенского РК ВКП(б) Астрахани говорилось следующее: «Особо ярко проявились выступления рабочих во время обсуждения решения ЦК о перегибах в проведении коллективизации. Один из выступающих товарищей пытался свесить вину в искривлении в колхозном движении на «верхушку» окружкома и даже ЦК, говорил о том, что плохо инструктировали, «не указывали», «не учитывали» и т.д.» [4, л. 52].

В Саратове на общем собрании Кирпичного завода рабочий выступил со следующим замечанием: «Я думаю, что это есть ошибка наших верхов, потому что своевременно ничего не печатали об этих ошибках в коллективизации, а когда стало трудно, тогда заговорили. Это всецело зависит от руководства, а теперь, что мы видим, в печати стали уже освещать, как дохнет скот, все это есть упущение и плохое руководство». Другой рабочий поддерживал его: «Тут товарищи так. Приходилось этот вопрос ставить перед райкомом, а на наши вопросы отвечали: «Вы товарищи

заблуждаетесь, вы занимаетесь хвостизмом, вы еще молоды». А теперь получается, что старики ошиблись» [3, л. 22].

Активно обсуждали горожане ситуацию в сельском хозяйстве в повседневных разговорах друг с другом. Например, в 1931 г. в очереди за хлебом чернорабочий вольского завода «Красный Октябрь» говорил: «Если бы не колхоз, мы бы здесь не околачивались»; другие рабочие, стоящие в очереди, с ним соглашались: «Сейчас стоим – может быть, получим, а придет время – откажут совсем, тогда и запоем Лазаря. Довели они с совхозами нас до голода» [2, л. 440, 630]. Плотник в Вольске возмущался в беседе с коллегами: «Нет нигде порядка, в деревне раскулачивают кого попало, а в колхозе лошади и скотдохнут» [2, л. 440].

Заведующий отделом по личному составу завода им. Ленина в Астрахани в обеденный перерыв говорил своим коллегам: «Поубавили хлеб, уговаривая, потерпите, это только до урожая. В гражданскую войну крестьянин не знал, за кого идти, а вот теперь, если будет война, крестьянин сразу узнает, против кого бороться, потому что замутили с колхозами, в конце разорили сельское хозяйство» [5, л. 138].

Таким образом, многие горожане отрицательно оценивали государственную политику, проводимую в деревне, и при этом часто негативно отзывались в адрес власти. Анализируя вышеизложенные высказывания трудящихся, можно прийти к выводу, что на общих собраниях местная администрация не особо прислушивалась к критике и предложениям горожан, а открытые выступления с замечаниями в адрес власти были чреваты впоследствии применением репрессивных мер.

Средства массовой информации освещали политические события в деревне только в требуемом государственной властью контексте. Поэтому основным источником информации о реальном положении в деревне был обмен мнениями очевидцев событий в частных разговорах, и неофициальные сведения о ситуации в сельской местности все чаще доходили до горожан.

Например, в Астрахани в 1933 г. заведующая детским садом при заводе им. Урицкого говорила: «В этом году очень хороший урожай, но вот я была в городе Пугачеве и видела, как в колхозах люди пухнут с голода, сидят все без хлеба, а хлеб гниет в поле, некому убирать, так что зимой мы будем сидеть без хлеба». Слесарь завода им. III Интернационала в разговоре с рабочими высказался: «Партия проводит коллективизацию, строит колхозы и совхозы насильно, а от этого погибло много людей с голода...» [6, л. 115]. Рабочий судоремонтного дока говорил: «В деревнях, в колхозах, что посеют, то и отбирают и ничего не дают, крестьяне сидят без хлеба» [6, л. 56].

В Астрахани на заводе им. III Интернационала в 1934 г. между рабочими состоялся разговор, который явился примером опровержения официальных источников информации. Один котельщик сказал: «Врут в газетах, что колхозники живут хорошо, фактически они сидят голодные, получают один фунт хлеба с мякиной. В 1933 г. в нашей деревне Сергеевке не успевали убирать мертвых». Другой рабочий, обращаясь к третьему, продолжил разговор: «Вот видишь, Костя, это живой пример о состоянии наших колхозов» [7, л. 7].

В общем, большинство городского населения причиной кризисного состояния в области снабжения города продовольствием считали государственную политику коллективизации сельского хозяйства. Однако многие горожане в своих повседневных разговорах приводили другую, с их точки зрения, весомую причину кризиса. Уже в конце 1930 г. в Вольске курьер в очереди говорил: «Вот они отправили за границу хлеб, а свои рабочие голодные...» [2, л. 635].

В Астрахани в 1932 г. на заводе им. X лет Октября шорник в разговоре со столяром сказал: «Россия самая хлебная страна, наверное, они коммунисты продали его весь за границу» [5, л. 137]. В 1933 г. в молярном цехе завода им. III Интернационала рабочий говорил: «В газетах пишут, что зерновая проблема разрешена, а рабочий сидит на пайке, и все отправляют за границу». Плотник с завода им. X лет Октября с ним соглашался: «Повывезла Советская власть весь хлеб за границу, а рабочие с голодадохнут, посмотрите, что делается в городе, взрослые и дети валяются по улицам, как скот, и тут же умирают» [6, л. 87, 90].

Саратовский обыватель В.Н. Ситников 9 мая 1931 г. сделал следующую запись в своем дневнике: «В стране – колоссальное строительство. Для приобретения оборудования приходится вывозить за границу разных товаров более чем на 600 млн руб. От этого у нас повсеместно ощущается нужда. Это приводит к печальным последствиям». При этом чуть ранее, 1 апреля этого же года, он записал: «С продовольствием по-прежнему плохо. Норму хлеба сбавили до 250 г. Нет сахара, мыла, табака и прочего» [12, с. 78–79].

Таким образом, другой весомой причиной случившегося кризиса горожане считали экспорт продовольствия, в первую очередь хлеба, за границу, в связи с проводившейся форсированной индустриализацией промышленности.

Некоторые горожане, опираясь на собственный опыт, причиной продуктовых затруднений считали приближающуюся войну. Например, в 1934 г. в Астрахани на пристани № 7 вахтенный говорил: «В городе муки нет, хлеба больше по индустриальной цене продаваться не будет, так как на Дальнем Востоке идет война с Японией». Преподаватель школы ФЗУ № 23 сказал своим коллегам: «За хлебом очереди большие стали, нельзя ничего купить, войну, наверное, чувствуют, к ней готовятся. На Дальнем Востоке порохом пахнет, так что ничего удивительного нет, что хлеб начинают экономить и запасать на военное время» [7, л. 23, 38].

Кроме общих собраний рабочих и служащих, проводившихся на предприятиях, другим источником получения и разъяснения информации были газеты и радио. Однако государственная власть в Советском Союзе полностью контролировала средства массовой информации, а горожане, наблюдая расхождение официальных сведений с реальным положением, относились к этим источникам с недоверием.

Этому свидетельствует многочисленные высказывания горожан, зафиксированные информаторами. Например, в Астрахани на заводе им. К. Маркса бракер говорил: «Скоро придет время, что будем подыхать с голода, как собаки. По газетам пишут, что все хорошо, все есть, а на факте с голода сдыхаем» [5, л. 137]. Котельщик этого же предприятия сказал на общем собрании: «По газетам у нас все хорошо, а на деле кормят, как раньше свиньи не жрали, кооперация ничего не дает, только паи увеличивают» [5, л. 259].

Недоверие к средствам массовой информации порождало некоторую иллюзию лучшей жизни в других странах. Например, маляр на заводе им. III Интернационала в разговоре с другими рабочими говорил: «Наши газеты пишут, что за границей голод и безработица и сдыхают с голода. Вот теперь и рассудите, кому верить? Значит, наши врут!». Телеграфистка сказала в беседе с коллегами: «Нельзя верить, что пишут в газетах о плохой заграничной жизни, так как там живут лучше, чем в СССР» [6, л. 86, 88].

Рабочий завода им. III Интернационала в 1934 г. говорил: «В 1933 г. был хороший урожай, тогда и паек должен быть хороший, а тут наоборот. Все говорят, что за границей голодают, тогда как мы сами голодные сидим» [7, л. 39]. Бухгалтер судоремонтных мастерских «Красные баррикады» сказал: «Хороша Советская власть, да порядки ни к черту, хлеба нет. Вот за границей порядки хорошие всегда, всего хватает» [6, л. 91].

Некоторые горожане откровенно полагали, что социально-экономическая ситуация в столице страны лучше, чем на местах и считали географическое дифференцирование в снабжении продовольствием несправедливым. Например, в Вольске в 1931 г. кассир возмущался: «Жалованья на житье не хватает, вычеты все прибавляются, только Москву снабжают, а в провинции хоть подыхай» [2, л. 635]. В 1932 г. рабочий завода им. III Интернационал рассуждал в курилке: «Теперь рабочие не будут ходить на собрания, потому что они голодные. Работаем мы, как московские рабочие, а кормят нас, как собак, там едят белые булки, а у нас не хватает черного хлеба» [5, л. 137].

После поездки в Москву саратовец В.Н. Ситников констатировал в своем дневнике 19 июля 1931 г. следующее: «С продовольствием в Москве много лучше, чем в Саратове. У нас снова жара и плохая пища». 24 июля была сделана следующая запись: «Очень жарко. Виды на урожай понижаются. Живет только Москва» [12, с. 81].

Сложившаяся кризисная ситуация в области снабжения продовольствием негативно сказывалась на отношении пролетариата к государственной власти в целом.

Например, в Астрахани на заводе им. III Интернационала рабочий сказал: «У рабочего силы нет и он падает. К чему нас ведут и что думает наша власть? Так жить нельзя, сейчас настроение у рабочих натянутое – рабочий клеймит власть и всю революцию. Где только не послушаешь, то везде слышишь от рабочих, что наделали – морите рабочих голодом».

Пожарный в Астрахани возмущался: «Наша семья теперь будет голодная потому, что когда получали 400 г, и то было мало, а теперь дали 250 г. Вот наша власть до чего дошла, что хлеба не стало хватать». Многие горожане обвиняли в сложившейся ситуации коммунистов, считая, что члены ВКП(б) живут лучше, а простое население голодает. В Астрахани шорник на заводе им. X лет Октября говорил: «Вот что гады-коммунисты делают, да разве рабочий может жить и работать при таком пайке».

Заведующий личным составом завода им. Ленина возмущался: «Убавили хлеб, уговаривая, потерпите, а вот коммунистам терпеть нельзя, им все дают. Удивительно какая-то кучка в 5 000 000 коммунистов вертит 150 000 000 беспартийными, и говорить нечего нельзя» [5, л. 137–138]. Слесарь в столовой говорил, что «коммунистов кормят диетпитанием, посылают на курорты, а беспартийных загоняют в гроб и морят с голоду» [6, л. 60].

Водолив дока № 31 высказался на общем собрании: «Коммунисты брешут сейчас, что Николай II был кровопиец, нет товарищи, Николай был наш кормилец. Вот сейчас мы попали в рабство к б...-коммунистам, которые поморили всех голодом, и когда мы выйдем из этой кабалы, неизвестно» [5, л. 138, 243].

Таким образом, определенная часть горожан была негативно настроена по отношению к членам ВКП(б), считая их проводниками государственной политики, при этом во многом завидовала их положению в области снабжения продовольствием, считая существующую ситуацию несправедливой.

Недоверие к официальной информации и действиям государственной власти порождали среди населения многочисленные слухи. Так, заведующий личным составом завода им. Ленина в Астрахани в 1932 г. в разговоре со своими коллегами утверждал, что «Крупская ранила Сталина за неправильные действия в колхозном строительстве», а механик баркаса «Терпеливый» уверял в том, что ему «достаточно известно, что Крупская стреляла в Сталина за искривление ленинской линии и допущения организации сельскохозяйственных артелей в сталинских реформах» [5, л. 30].

На волне негативного отношения к государственной власти среди городского населения распространялось все больше информации (возможно слухов) о вооруженном сопротивлении в некоторых частях страны. Например, в 1931 г. в Вольске из рассказа одного рабочего следовала такая информация: «Слышали, в Самаре был бунт, говорят, что сначала урезали паек, и на базаре мука дошла до 70 руб. После бунта паек прибавили, а мука опустилась до 10 руб.». Другой рабочий поддержал его своим рассказом: «На Урале показали Советской власти. Власть предложила засеять землю хлопком, но казаки поднялись, так им и не дали». В очереди за хлебом обыватель из Вольска рассказал знакомому, как «недавно приехал один друг из Кисловодска или из Грозного. Он говорил, что в этом городе была схватка с бандитами. Сейчас эти банды прорываются в Казахстан, где находится раскулаченное население, и вместе они сделают восстание против Советской власти» [2, л. 445, 636].

Стоит отметить, что среди городского населения были слышны призывы к насильственному разрешению кризисной ситуации. Так, на заводе им. К. Маркса котельщик высказал в разговоре следующую мысль: «Вешать надо таких правителей, благодаря которым нам приходится тащить последнюю рубашку» [2, л. 259]. Из слов матроса баржи следовало, что «надо открыть войну на этих бандитов коммунистов, всех перебить и выбрать одного правителя, который давал бы всего вдоволь». Токарь завода им. III Интернационала предлагал: «Нужно бросить работу, а некоторых руководителей расстрелять» [6, л. 59].

Однако большинство предложений по разрешению ситуации, зафиксированные информаторами, не носят столь насильственный характер по отношению к государственной власти. Максимум, что предлагали трудящиеся, это было забастовочное

выступление против администраций предприятий. Например, в Вольске слесарь завода «Коммунар» открыто призывал: «Надо бросать работу, и так ничего не получаем, ходим полуголодные, даже хлебный паек не видим». На заводе «Большевик» рабочие отказались работать, когда к ним подошел инженер и пригрозил предать их общественному суду, тогда один из рабочих сказал: «Если не будете рабочих снабжать как следует, то остальные работать не будут» [2, л. 629, 630].

Стоит отметить, что открытых забастовочных выступлений рабочих было немало. Например, в сводке ОГПУ по заводам Астрахани в 1932 г. отмечалось, что «в силу отбора карточек у членов семей рабочих, которые строят слип, они бросили работу в два часа дня, а на следующий день не вышли на работу. По этой же причине самовольно покинули работу возчики земляного цеха, а артель в количестве 48 человек вышла на работу, но не работала» [5, л. 76, 77].

В связи с затруднениями в снабжении хлебом и уменьшении количества нормы в 1932 г. бакенщики на общем собрании приняли постановление, в котором говорилось, что если до 15 мая не будет отменено распоряжение о снятии их семей с хлебного довольствия, то они бросят работу. На заводе им. III Интернационала 136 женщин бросили работу, так как им отказали в выдаче хлебных карточек. Когда карточки выдали, они работу продолжили [5, л. 515].

Однако не всегда столь успешно заканчивались забастовки, многие рабочие выступления характеризовались как антисоветские, а их участники подвергались наказаниям. С другой стороны, репрессиям подвергалась администрация предприятий, которая фактически признавалась виновной в сложившейся ситуации, это также на определенное время снимало напряженность.

В общем, пролетариат сам отмечал причину своей слабой сплоченности – это общая неорганизованность трудящихся. Например, котельщик на заводе им. III Интернационала предлагал: «Нужно послать своих жен к власти просить хлеба, а то у нас нет организованности, а вот на Красной лесопилке коммунисты грузчикам убавили хлеба, а грузчики собрались и стали коммунистов чесать, и им оставили старую норму. Там у грузчиков был настоящий бунт, и у них хорошая организованность» [6, л. 29].

Многие служащие предпочитали в своих беседах также рассуждать о неорганизованности рабочих. Например, инженер технического бюро завода им. Ленина недоумевал: «Вот карточки хлебные отбирают, как жить будем? Как рабочие на это посмотрят? Когда их дома начнут тормозить семьи, пожалуй, тогда они не вытерпят и чего-нибудь скажут» [6, л. 53].

Таким образом, большинство горожан занимали выжидательную позицию, и в основном предпочитали сами решать свои продовольственные затруднения. Свидетельством этому могут служить многочисленные факты продажи товаров на рынке.

Например, в отчете «О характеристике работы пожарной охраны Селенского района города Астрахани» в 1930 г. говорилось следующее: «По социальному происхождению личный состав – большинство из крестьян. В политических вопросах разбираются слабо, а иногда открыто выражают недовольство переживаемыми сегодня трудностями. Имеются случаи, когда члены семьи пожарников занимаются торговлей на базаре, у многих наблюдается склонность к рвачеству, шкурные вопросы ставятся ими на первый план» [4, л. 9].

Помощник директора по технической части этого же завода в разговоре с коллегами сказал: «Я, для того чтобы существовать со своей семьей, продал валеные и кожаные сапоги, полученную мануфактуру и другие вещи» [6, л. 43]. Органами ГПУ фиксировались многочисленные случаи продажи горожанами своего личного имущества и вещей на рынках для покупки продовольствия [6, л. 60].

Другим способом, к которому прибегали горожане для обеспечения себя продуктами питания, было самоснабжение. Основным продуктом питания горожан был хлеб. Поэтому многие трудящиеся отправлялись в сельскую местность в поисках какого-либо количества муки. Например, учетчик завода им. Ленина в Астрахани говорил: «...вот я привез муки, продам пуд, а теперь придется опять ехать и бросить

работу, а если уволят за прогулы, то спасибо скажу. А вот, вас дураков, надо жать сильнее, тогда вы может что-то скажете» [5, л. 377].

Котельщик на заводе им. III Интернационала в разговоре с товарищами сказал следующее: «...У нас четверо ребят уехали самовольно за мукой и бросили производство. Даже бригадир, член партии бросил свою бригаду и пустился на поиски хлеба» [5, л. 374]. Сводки ОГПУ констатировали, что «в период с 01.09 по 01.10.1932 г. у проезжающих пассажиров отобрано разного хлебного груза ручной клади 2051 кг, и изъято из багажа 2316 кг, это ниже, чем в августе, когда за первые 9 дней было отобрано ручной клади 3039 кг, а багажа 1506 кг» [5, л. 386].

В силу природно-географических условий Нижневолжского региона среди населения было развито рыболовство, поэтому рыба являлась не менее важным продуктом по значимости в рационе населения, чем хлеб. В условиях голода нередко занятие рыбалкой, как способом пропитания, противопоставлялось основной трудовой деятельности.

Например, в Астрахани на общем собрании завода им. III Интернационала, посвященному борьбе с прогулами трудящихся, рабочий открыто заявил, что «он завтра на работу не пойдет, а поедет рыбу ловить, пойманную рыбу продаст, и сыт будет» [5, л. 389]. Один из котельщиков завода им. Ленина во время обеденного перерыва в конце разговора с коллегами сделал следующий вывод: «Рабочие голодные, кидаются во все стороны в поисках куска хлеба. Вот сейчас коснись, какой-нибудь срочный ремонт, и никто не пойдет, так как скажет: «Я лучше пойду тарашки поймаю, у меня семья сидит голодная» [5, л. 374].

Во время общего собрания завода им. III Интернационала котельщик открыто заявил: «Я лучше пойду рыбу ловить, у меня семья будет сыта. А судом не запугаете, потому что если постановите уволить с производства, то каждый на это Богу молится» [5, л. 341]. Специальная сводка ОГПУ констатировала, что «...мелкие спекулянты и перекупщики передавались по линии Горфинотдела. За август-сентябрь 1932 г. было отобрано товара на сумму 17 тыс. руб., в основном рыба» [5, л. 387].

Некоторые группы городского населения использовали неконвенциональные способы политического отчуждения, то есть нарушали закон, подделывая продуктовые карточки. Например, в сводке ОГПУ так же приводились данные, что «по делу подлогов хлебных карточек арестовано 39 человек [5, л. 377], а в сентябре 1932 г. около 30 человек были арестованы за изготовление поддельных карточек» [5, л. 405–407].

Государственная власть взяла на себя функцию снабжения населения продовольствием и фактически не выполняла свои обязанности в этой социальной сфере. При этом большинство горожан считало основными причинами, сложившейся кризисной ситуации в области снабжения продовольствием, осуществляемую государственной властью индустриализацию и коллективизацию.

Для разрешения сложившейся ситуации в сфере снабжения некоторые трудящиеся прибегали к активным формам политического поведения, что выражалось в предъявлении требований к администрации предприятий, доходивших вплоть до забастовок. Иногда забастовки достигали положительного результата, но большая часть их оценивались как антисоветские выступления и расследовались по линии ОГПУ.

Стоит отметить, что пролетариат, в большинстве своем «вчерашнее крестьянство», не отличался организованностью и сплоченностью в достижении поставленных целей. Многие забастовки возникали стихийно, в ответ на резкое сокращение норм или часто ошибочное снятие со снабжения продовольствием. В общем, горожане предпочитали обсуждать вероятные возможности войны, выступления населения в различных частях страны против власти и другие подобные слухи, подсознательно ожидая повторения ситуации в своем регионе.

В повседневной жизни горожане в основном применяли различные формы политической отчужденности: предпочитали сами решать проблему снабжения себя продовольствием, то есть мигрировали на другие предприятия и в регионы в поисках лучших условий снабжения, продавали личные вещи на рынке и занимались самоснабжением.

Итак, у многих горожан в сознании сложилось негативное отношение к коммунистам, ответственным работникам и агитаторам, как к «приближенным к власти и проводникам их идей» [5, Л. 73; 6, Л. 58]. Многие считали несправедливым профессиональное и географическое дифференцирование в снабжении продовольствием, которое так же осуществлялось государственной властью.

Несмотря на активную государственную пропаганду, городское население во многом доверяло неофициальным сведениям и даже слухам, так как расхождение между официально декларируемой информацией с реальным положением дел было огромно, а многие горожане являлись сами очевидцами событий. Все выше перечисленное способствовало формированию в сознании большинства горожан установки на недоверие к государственной власти и ее политике в будущем.

Список литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф. 866. – Оп. 1. – Д. 8.
2. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 16.
3. ГАНИСО. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 529.
4. Государственный архив современной документации астраханской области (ГАСД АО). – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 74.
5. ГАСД АО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 25.
6. ГАСД АО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 29.
7. ГАСД АО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 30.
8. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. в деревнях Поволжья / В. В. Кондрашин // Вопросы истории. – 1991. – № 6.
9. Корноухова Г. Г. Заболеваемость, смертность и медицинское обслуживание в советской провинции 1920–1930-е гг. (по материалам Астраханской области) / Г. Г. Корноухова // Вестник РУДН. – 2008. – № 2. – Серия «История России».
10. Пупкарева Н. Л. История повседневности. Энциклопедия «Кругосвет» / Н. Л. Пупкарева. – Режим доступа: <http://www.Slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/krugosvet>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., англ.
11. Селенский Ю. В. Не расти у дороги / Ю. В. Селенский. – М. : Современник, 1987.
12. Ситников В. Н. Пережитое: Дневник саратовского обывателя. 1918–1931 гг. / В. Н. Ситников ; публ. Ю. Песикова. – Саратов : Слово, 1999.

СТРУКТУРА МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РЕГИОНОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н.В. Сорокина
(Россия, Волгоград)

В статье рассматривается система местных органов власти в Нижнем Поволжье в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Выявляются основные проблемы взаимодействия местных советов, их исполкомов и коммунистической партии. Отмечаются многочисленные недостатки в делопроизводстве.

The system of local authorities in the Lower Volga region at the end of 1930s – the beginning of 1940s is considered in the article. The basic problems of interaction of local Soviets, their executive committees and communist party are revealed there. Numerous lacks of office work are mentioned in the article.

Ключевые слова: местные советы, исполкомы, постоянно действующие комиссии, административно-территориальное деление, уровни подчинения, делопроизводство.

Key words: local Soviets, executive committees, constantly operating commissions, administrative-territorial division, levels of submission, office work.

Построение системы местных органов власти напрямую зависит от административно-территориального деления страны, которое в разные исторические периоды имело свои особенности и находилось в сложной взаимосвязи и взаимозависимости от объективных и субъективных факторов географического, этнического, конфессионального, социально-экономического, политического, социокультурного характеров [1, с. 3].